

ПОЛТАВСКІЯ

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

ЧАСТЬ НЕОФИЦІАЛЬНАЯ.

№ 9.

1863.

1 Мая.

ПРАВСТВЕННОЕ ВОСПИТАНІЕ МОЛОДАГО ПОКОЛѢ-
НІЯ, КАКЪ ПРЕДМЕТЪ ОСОБЕННОЙ ЗАБОТЛИВОСТИ
ДЛЯ НАШИХЪ СВЯЩЕННИКОВЪ.

(Окончаніе *).

Въ обстоятельствахъ времени заключается, какъ мы сказали, очевидная необходимость взяться, наконецъ за дѣло нравственнаго воспитанія молодаго поколѣнія въ массѣ простаго нашего народа,—необходимость, понятная, впрочемъ, и сама по себѣ, какъ высокій подвигъ христіанской любви къ ближнимъ, хотябы даже современныя событія и не требовали его прямо.— Съ этими мыслями мы переходимъ теперь къ ближайшему разбору занимающаго насъ предмета, именно: какія цѣли долженъ преслѣдовать всякій, кто захотѣлъ бы взять на себя трудъ нравственнаго воспитанія юнаго человечества въ нашемъ народѣ? На что слѣдовало бы обратить тутъ особенное вниманіе?...

Чѣмъ важнѣе подобные вопросы, тѣмъ труднѣе рѣ-

* См. 8 № Неоф. Части Полт. Епарх. Вѣдом. 1863 года.

шить ихъ удовлетворительно. На практикѣ они до того становятся иногда сложными, до того запутываются многообразными обстоятельствами въ жизни народной, что отвѣчать на нихъ, въ какой—нибудь определенной законченной формѣ—рѣшительно не возможно. Но потому-то самому, думается намъ, здѣсь у мѣста хоть какое—нибудь слово, хоть двѣ—три замѣтки.

Большинство держится у насъ такихъ мыслей, что въ юныхъ возрастахъ духовная природа человѣка бываетъ еще не испорчена, такъ что заботливаго ухода за нею въ эту пору вовсе и не нужно. »Что они еще?« думаютъ наши старички—простачки, смотря на своихъ и чужихъ домочадцевъ, «они ничего не смыслятъ. Какіе за ними тяжкіе грѣхи?» Въ этомъ взглядѣ на юный нравственный міръ высказывается съ одной стороны старинное простодушіе и простомысліе нашего народа, а съ другой—неподвижная натура русскаго человѣка, которая чувствуетъ только большое зло и потому протираетъ сонные глаза свои и берется за умъ лишь тогда, когда дѣло бываетъ больно уже плохо. Въ самомъ дѣлѣ, что подразумѣваютъ у насъ, когда говорятъ о невинности дѣтскаго и юношескаго возрастовъ? То, что въ это время за человѣкомъ не числится еще никакихъ крупныхъ преступленій. Отъ чегожь не числится? вотъ вопросъ. Отъ того ли, въ самомъ дѣлѣ, что въ эту пору душа непорочна? Иногда и отъ этого, но въ самой большей части случаевъ отъ другихъ совершенно причинъ. Мы думаемъ, что въ юныхъ душахъ, невинностію которыхъ такъ любятъ (а лучше сказать—забавляются) отцы и ма-

тери, кроется очень много зла и если это зло не выходит наружу, такъ отъ того, что душа связана тутъ—отчасти грозною властію старшихъ, отчасти тѣмъ, что ей нѣтъ еще простору (кругъ дѣйствія и средствъ очень малъ), а очень часто и тѣмъ, что самыя силы тѣлесныя, по своей слабости, отказываются выполнять порочныя, и—нерѣдко—уже созрѣвшія, движенія сердца и воли. Удалите мыслію причины эти и посмотрите ближе на нравственный міръ молодежи: нѣтъ ли въ немъ весьма замѣтныхъ проблесковъ большаго зла? Не замѣтите ли въ дѣтскихъ шалостяхъ большой уже подготовки къ самымъ крупнымъ преступленіямъ? Вы смотрите на то, что въ юныхъ возрастахъ не видно ни пьянства, ни воровства, ни большихъ опытовъ насилія, жестокости и проч. Но какъ вамъ кажется:—если мальчикъ привыкъ напр. ссориться часто съ другими за бездѣлицу, а подѣ часъ и поколотить, кто попадетъ подѣ руку,—думаете ли вы, что, въ зрѣлыхъ лѣтахъ, при случаѣ, онъ не отдѣдаетъ такъ своего сосѣда, что попадетъ и подѣ судъ? Если молодецъ нынче, да завтра выпиваетъ украдкой отъ отца чарку водки,—можно ли поручиться, что послѣ, при обстоятельствахъ, молодецъ этотъ не сдѣлается пьяницей? Если онъ наловчился обижать слабѣйшихъ и требовать, чтобъ послѣдніе безпрекословно слушали его команду, подѣ опасеніемъ получить въ противномъ случаѣ презрѣдную оплеуху,—можно ли быть увѣреннымъ, что этотъ маленькій деспотъ не будетъ послѣ мучить свою жену, свое семейство, или не будетъ давить слабѣйшихъ, если возьметъ силу надъ ними? Когда дѣвочка привык-

ла красть игрушки у своей сверстницы, или мальчикъ рвать яблоки въ чужомъ саду,—думаете ли вы, что эти невинныя души не попадутся послѣ въ такомъ воровствѣ, за которое у насъ сажаютъ въ острогъ? Да и мало ли подобныхъ явленій? Ими полонъ юный нравственный міръ. А какъ ловко умѣютъ наши дѣти притворяться, скрывать, лицемерить? Къ какимъ сложнымъ хитростямъ прибѣгаютъ они, когда хотятъ обмануть маменекъ, тетенокъ и проч.? Какія мудренныя причины, оправданія, благовидные предлоги можно подъ часъ слышать отъ нихъ? Какіе замысловатые извороты ума и совѣсти здѣсь бываютъ! А эти капризы, своеравіе, упрямство безграничное—въ такіе годы, когда человекъ не умѣетъ еще отличить шуйцы отъ десницы?...

Выходитъ на повѣрку, что, въ такъ называемыхъ невинныхъ возрастахъ, не только кроется очень много зла, но что зло это—тоже самое, какое и у насъ, только въ меньшихъ размѣрахъ и разница между тѣмъ и другимъ въ количествѣ, а не въ качествѣ. Присмотритесь къ домашнему и уличному поведенію молодежи и вы замѣтите у ней тоже криводушіе, тотъ же произволь и насиліе, тѣже нарушенія закона и порядка, какія бываютъ и у взрослыхъ. Словомъ: нравственный міръ молодаго поколѣнія есть тотъ же самый со всѣмъ его добромъ и зломъ, какой и въ другихъ возрастахъ, *только въ уменьшенномъ видѣ.*

Вотъ это-то понятіе и слѣдуетъ первѣе всего проводить въ сознаніе нашего народа. На пастыряхъ церкви лежитъ прямая обязанность просвѣтлять всячески

простодушный, но ложный и крайне опасный взгляд большинства на мнимую непорочность юныхъ душъ и самимъ дѣйствовать въ силу того убѣжденія, что маленькое зло невинныхъ возрастовъ *мало только на видѣ*, а въ душѣ отъ него горитъ все такимъ же точно пожаромъ, какъ и у зрѣлыхъ возрастовъ. *Отъ сердца исходятъ помысленія злая, убійства, прелюбодѣянія, татѣбы, лжесвидѣтельства, хулы. Сія суть сквернящая челоуька* (Матѣ. XV, 19-20). Вотъ гдѣ кроется самая страшная, не видимая для глазъ, порча духовной природы нашей! Если такимъ образомъ исходище всѣхъ золъ нашихъ — помысленія сердца; то нѣтъ-ли опасности, что самая недалновидность наша и невниманіе къ внутренней нравственности нашихъ дѣтей послужитъ твердой корою, подъ которой тѣмъ смѣлѣе созрѣютъ ихъ злые помыслы, тѣмъ долѣе скроются отъ насъ, тѣмъ неудержимѣ вырвутся послѣ на свѣтъ? По крайней мѣрѣ нѣтъ-ли такой опасности, что наше молодое поколѣніе въ свое время будетъ ничѣмъ не лучше насъ, какъ и мы сами, говоря по совѣсти, едва-ли лучше своихъ отцовъ и дѣдовъ? *

* Задавали ли вы себѣ, читатели, такой вопросъ: лучше ли сталъ народъ нашъ противъ прежняго, или же онъ остался такимъ, какимъ былъ назадъ тому полтысячи и болѣе лѣтъ? Выросъ ли онъ хоть на волосъ въ нравственномъ отношеніи сравнительно съ предками своими отдаленной старины? Старички наши поговариваютъ, что прежній народъ былъ много лучше теперешняго. Правда ли это, — не знаемъ; но едва ли смѣло можно сказать и то чтобы нравственность современнаго народа стала выше

По мѣрѣ того, какъ будетъ вытѣсняться сказанный нами, до крайности узкій, взглядъ нашего народа, — на мѣсто его надо будетъ потомъ вводить по немногу въ духовный мѣръ молодого поколѣнія положительныя добрыя начала нравственности Христіанской. Что это необходимо, — понятно всякому. Но не всякому, можетъ быть, понятно, почему именно и въ какихъ видахъ это необходимо?

Опытъ показываетъ, что у многихъ, едва ли не въ большинствѣ, совѣсть Христіанская остается еще въ полусонномъ состояніи, и нравственное чувство его неразвито до той степени чуткости и живости, безъ которой нельзя быть не только добрымъ христіаниномъ, но даже и честнымъ гражданиномъ, способнымъ съ пользою проходить какое бы то ни было званіе и служеніе въ обществѣ. Такъ зачастую у насъ попадаются такія возмутительныя явленія: здоровый мужчина лежитъ чуть не цѣлый Божій годъ на боку, неподвинувши рукъ къ работѣ, пока не доѣстъ послѣдняго куска хлѣба (такихъ людей, къ несчастію, у насъ не мало). Теперь, если этотъ празднолюбець, отъ природы простодушный человекъ, никого не обижаящій и проч., — объ немъ всѣ хорошаго мнѣнія и едва ли одному изъ сотни придетъ въ голову, что до-

нравственности поколѣній давно умершихъ. Обстоятельство, стоющее вниманія, если только послѣднее наше замѣчаніе вѣрно! Конечно, тутъ нельзя судить никого и ничего и мы не судимъ, а только такъ, мимоходомъ указываемъ на важность вопроса... Имѣя уши слышати да слышитъ...

бродушный лѣнтяй, на самомъ дѣлѣ—великій негодай, весьма безнравственный человѣкъ, унизившій человѣческую природу до скотоподобія. Не богатому человѣку, положимъ семьянину, полюбилась корчма и онъ частенько привыкъ оставлять тамъ свои заработки. Приходитъ ли кому-нибудь изъ его сосѣдей на мысль, что усердный посѣтитель корчмы—тотъ же воръ; потому, что обкрадываетъ свое семейство и пьетъ въ собственномъ смыслѣ на чужое, т. е. на то, что, по всѣмъ законамъ здраваго разума и неиспорченной совѣсти, должно принадлежать его женѣ и дѣтямъ? Караютъ-ли народъ нашъ этихъ людей всею строгостію своего общественнаго мнѣнія и суда?—Ничуть не бывало. Напротивъ, если нашъ винопійца раздѣляетъ свое нелѣпое удовольствіе съ другими, объ немъ всѣ говорятъ: «какая простота! а вѣдь добрый-то человѣкъ!» Сельскій или волостный чиновникъ налегаетъ на сходкѣ на какого-нибудь бѣдняка такъ, что ему житья нѣтъ. Что же? заступятся за него сосѣди? подаетъ міръ голосъ свой въ пользу правды, несправедливо-притѣсняемой? Какъ не такъ! А намъ-то, скажутъ, какое дѣло! насъ не касается...и пр. пр... Спрашивается: отъ чего такъ вяло, близоруко, недѣятельно-нравственное чувство нашего народа? — отъ того, что ему не сообщены тѣ живыя начала нравственности христіанской, которыя однѣ способны просвѣтить совѣсть человѣка, сдѣлать ее чуткою, дальнозоркою, впечатлительною, — словомъ: такою, которая всегда отзовется на добро, возмутится зломъ и ужъ рѣдко ошибется, гдѣ прямо ходитъ человѣкъ, а гдѣ оступается онъ и кривитъ своею душою?

Вотъ этотъ-то глубокой недугъ въ жизни нашего народа и надо имѣть въ виду, при нравственномъ воспитаніи молодаго поколѣнія. Уврачеваніе его прямо зависитъ отъ того, на сколько будетъ открытъ юному поколѣнію народа тотъ подлинный образъ благочестія, какой имѣемъ мы въ Словѣ Божіемъ, въ примѣрахъ жизни истинныхъ христіанъ и особенно въ примѣрѣ святыхъ. Нравственное чувство народа прольется и со-вѣсть громко заговоритъ въ немъ, когда вы съ моло-ду объясните ему: почему именно вотъ это хорошо, а это худо? отъ чего несправедливость, насиліе, праз-дность, равнодушіе къ общественнымъ пользамъ и пр.—тяжкіе грѣхи?—Когда вы, примѣнительно къ его по-нятіямъ и опытамъ обыденной жизни, растолкуете ему: что значить быть добрымъ человѣкомъ? каковъ дол-женъ быть истинный христіанинъ въ своей семьѣ, въ своихъ отношеніяхъ къ обществу, на той или другой службѣ? почему всякій обязанъ трудиться изъ всѣхъ силъ? отъ чего и для чего надо искоренять худыя привычки и пороки у себя и у другихъ? и пр. и проч.

Другой недугъ, весьма замѣтный въ жизни нашего общества, это—*отсутствіе крѣпкихъ*, хорошо на-правленныхъ, нравственныхъ *характеровъ*. У насъ не-рѣдко, пожалуй, попадаются характеры очень твердые. Но эта твердость есть та безотчетная суровость и жесткость, которая такъ удачно зовется на простомъ языкѣ *норовомъ*,—жесткость, одаренная всѣми дубо-выми и желѣзными свойствами и вовсе не похожая на ту крѣпость духа, которая образуется подъ вліяніемъ строгихъ правилъ нравственныхъ, которая дѣйствуетъ

по ясному сознанию, идетъ твердымъ шагомъ, преслѣдуетъ свои цѣли съ любовью и терпѣніемъ. Вотъ въ этомъ—то послѣднемъ направленіи и надо воспитывать народъ нашъ. Значеніе характеровъ, закаленныхъ въ разумной нравственной строгости, необычайно. Это—носители той мощной силы, которая поворачиваетъ на лучшее все, что ни прикасается къ ней; эти характеры дѣйствуютъ на другихъ, какъ власть имущіе и по тому—то въ нихъ именно заключается главная опора закона и всякаго порядка и въ нихъ наиболее вѣрные залого прочнаго будущаго развитія общественной нашей нравственности. Не естественно ли желать, чтобы воспитаніе такихъ характеровъ началось съ юныхъ возрастовъ, когда такъ легко задать такой или иной тонъ нравственному чувству человѣка,—когда самыя легкія черты глубоко врѣзываются въ душу,—когда жизнь, какъ расплавленный металлъ, можетъ отлиться разъ на всегда въ одну извѣстную форму? Да, нельзя не желать этого и—тѣмъ больше, чѣмъ важнѣе призваніе народа въ будущихъ судьбахъ нашего отечества и чѣмъ удобнѣе воспитаніе сказанныхъ характеровъ именно въ средѣ народной. Простой образъ жизни нашего народа, его близость къ природѣ, не глубокая (сравнительно) порча его нравственныхъ силъ, горе и нужды, въ которыхъ давно уже закалилась его стойчески-терпѣливая натура и самая, наконецъ, упругость нрава у многихъ нашихъ поселянъ—все это подаетъ большія надежды на то, что изъ среды народной всего легче и скорѣе выйдутъ у насъ современемъ твердые нравственные характеры, которыхъ теперь такъ мало

и въ которыхъ такъ сильно нуждается наше время.

Правда, при самомъ настойчивомъ терпѣнн въ дѣлѣ воспитанія, такихъ характеровъ выйдетъ все-таки не много; потому что они—удѣлъ не многихъ и составляютъ принадлежность большаго, можетъ быть, нравственнаго совершенства. Тѣмъ не менѣе и возможно и необходимо образованіе людей съ упорядоченнымъ нравственнымъ характеромъ,—людей *съ правилами*, у которыхъ будутъ слабости: но не законерѣлыя и не излѣчимыя страсти,—будутъ ошибки, но будетъ и сознаніе ошибокъ и потребность исправленія,—будутъ по временамъ опыты разнузданности, но будетъ признаваться и господство строгой нравственной дисциплины, заключающей волю въ предѣлы закона всякій разъ, когда она разшатается не въ мѣру. Заправить молодежь въ такія рамки,—значитъ спасти ее въ будущемъ отъ многихъ золъ, отъ которыхъ страдаетъ наше поколѣніе. Мало ли извѣстно намъ такихъ напр. людей, которые, подпавши подъ тяжелыя обстоятельства, порѣшили топить свое горе въ одуряющихъ напиткахъ? Грустно смотрѣть на тупое страданіе этихъ людей! Но будь они обучены съ молоду наукѣ самообладанія и правильнаго дѣйствованія,—у нихъ нашлась бы сила терпѣнія и они вышли бы на борьбу съ жизнью. Теперь они стоять не могутъ; потому что ихъ прежде не установили.—А сколько у насъ такихъ характеровъ; которые мудренымъ какимъ-то образомъ слѣплены изъ самыхъ рѣзкихъ крайностей. Мѣра и правило въ жизни не дались какъ-то этимъ людямъ. Подъ часъ они дышать любовію и добротою непомѣрною, а подъ

часть дики и злы, какъ звѣры; то строги они къ себѣ и другимъ, то разнузданны донѣльзя. Смотришь, смотришь на иного, и—рѣшительно не разберешь, что онъ за человѣкъ? Въ иной разъ онъ является солиднымъ, правдивымъ, великодушнымъ; съ самодовольствомъ толкуетъ о своихъ достоинствахъ и тутъ же иногда унижить себя до послѣдней глубины, сдѣлаетъ образцовую подлость и загрязнитъ себя самымъ сквернымъ образомъ. Вотъ онъ ласкаетъ дѣтей своихъ, прекрасно обращается со всѣми и—недалеко, какъ чрезъ часъ, онъ уже разбранился со всѣми, разогналъ семью, чуть не поколотилъ жену и—въ довершеніе всѣхъ глупостей—пустился толковать, что всѣ глупы и худы, а онъ одинъ умный и прекрасный человѣкъ. Позволить ли себѣ удовольствіе этотъ умный и прекрасный человѣкъ, онъ всегда зачерпнетъ его не въ мѣру; станетъ говорить,—все разболтаетъ; возмется дѣлать, что нибудь,—дѣлаетъ хорошо; но какъ нарочно остановится на полдорогѣ, оставитъ дѣло и, какъ угорѣлый, бросается на что нибудь другое...—А сколько на нашихъ глазахъ людей съ умомъ отъ природы не худымъ и волею не слабою и, однако, какъ скоро увлекаются они и падаютъ! Какъ ничтожны они, легкомысленны, слабы!.. И думаютъ, и говорятъ, и дѣлаютъ они все такъ-то безъ смысла, то какъ слѣпые, то какъ разслабленные, то какъ помѣшанные. И смѣхъ, и горе, и досада беретъ глядя на нихъ. Отъ чего и какъ рождаются у насъ такіе уроды? Отвѣтъ одинъ: ихъ не коснулась съ молодыхъ лѣтъ наука правильнаго нравственнаго воспитанія. Не управляемые, они вступили въ жизнь безъ

мысли, безъ цѣли, безъ воли и вотъ ихъ гоняетъ теперь вѣтеръ по всѣмъ направленіямъ, какъ былинку перекасти поле. — Не здѣсь ли причина, что въ нашемъ общественномъ и семейномъ быту такъ много явленій неправильныхъ, бессмысленныхъ, созданныхъ не разумомъ, а какой-то слѣпой силой, похожей на случай и судьбу? Не отъ этого ли у насъ такое множество людей безхарактерныхъ, водянисто—добрыхъ, убійственно-равнодушныхъ, которые и численностію и безтолковымъ поведеніемъ своимъ не даютъ часто ходу людямъ порядочнымъ, способнымъ имѣть благодѣтельное вліяніе на другихъ своихъ собратій?...

Желаніе избавить общество наше отъ подобныхъ недуговъ вызвало и доселѣ вызываетъ много толковъ, исполненныхъ и негодованій, и обличеній, и нравоученій, и разныхъ предположеній о мѣрахъ улучшенія.... Всѣ эти толки не безъ значенія. Но самое лучшее и дѣйствительнѣйшее средство помочь въ этомъ разѣ обществу, это—нравственное воспитаніе молодыхъ людей. Давно сознано, что Евангеліе—единственная животворная сила, отъ которой зависитъ будущее возрожденіе нашей общественной и семейной жизни. Если такъ,—всякому понятно, почему воспитаніе молодаго поколѣнія по началамъ нравственности христіанской есть, въ свою очередь, единственно-вѣрный залогъ исполненія нашихъ желаній лучшаго въ будущемъ. Но тогда какъ для всѣхъ почти у насъ есть учрежденія и средства хоть къ какому-нибудь нравственному образованію молодыхъ поколѣній,—для простаго народа самая большая часть этихъ средствъ остается недоступною, или

малодоступною. Самъ народъ не въ силахъ пока справиться съ задачею воспитанія, требующею не одной опытности, а и значительнаго умственнаго образованія; высшіе слои общества еще далеки отъ него; наши печатные органы мысли и чувства (литература и журналистика) еще не стали органами чисто народными; книги наши доселѣ не умѣютъ думать и говорить, какъ думаетъ и говорить русскій селянинъ (пишущій первый сознается въ этомъ неумѣнн). Одна остается у насъ надежда, это—участіе нашего духовенства, и преимущественно сельскихъ священниковъ, въ дѣлѣ нравственнаго образованія нашего народа. Люди эти занимаютъ единственное, безпримѣрно-счастливое положеніе въ разрѣшеніи весьма многихъ вопросовъ, касающихся улучшенія народнаго быта. Никто лучше ихъ не знаетъ нашего народа, никто не близокъ такъ къ нему, никто не можетъ дѣйствовать съ такою властію и вліяніемъ на нашихъ поселянъ, какъ именно пастыри церкви, въ которыхъ первые испоконъ вѣку привыкли уважать не только служителей Божіихъ, но и единственно почти умныхъ людей, — умныхъ т. е. для нихъ и по ихнему.—И пастырскій авторитетъ и знаніе народа дѣлаютъ такимъ образомъ священниковъ нашихъ людьми единственно-способными взять на себя и съ успѣхомъ продолжать великое, по нашему времени, дѣло нравственнаго воспитанія молодаго поколѣнія въ массѣ простаго народа. Но этого мало. Никто не владѣетъ такими сильными и наивѣрнѣйшими *средствами* справиться съ задачею, какъ именно священники и особенно сельскіе. При совершеніи таинствъ ихъ влі-

янію подпадаютъ все состоянія человѣческаго духа. Въ таинствѣ покаянія они прямо могутъ овладѣвать всеми изгибами человѣческаго сердца, всею полнотою нравственнаго характера ввѣренныхъ ему духовныхъ чадъ. Сильнѣй этихъ средствъ къ познанію и воспитанію духовной природы человѣка нѣтъ и быть ничего не можетъ. А какой у священниковъ громадный кругъ дѣйствования на нравственность прихожанъ частнымъ, домашнимъ образомъ, — путемъ бесѣдъ и наставленій въ семейныхъ кружкахъ! Сколько разъ въ году священникъ можетъ побывать въ каждомъ домѣ своего прихода! Сколько хозяевъ пригласятъ его за годъ на домъ нарочито для исправленія разныхъ требъ! И при всѣхъ этихъ случаяхъ онъ можетъ обращаться безпрепятственно къ своимъ прихожанамъ съ словомъ наставленія и обличенія, — благовременно и безвременно. Здѣсь онъ можетъ говорить то, что другому не простится, и его послушаютъ, тогда какъ другому сказали бы: »не твое дѣло учить насъ.« При такихъ средствахъ остается только желать евангельской любви и апостольскаго терпѣнія со стороны священниковъ нашихъ. Дай Богъ, чтобы они поняли — и силу вопросовъ нашего времени и то великое призваніе свое въ ихъ разрѣшеніи, какое указываетъ имъ Самъ верховный Распорядитель жизни нашей, говорящій намъ глаголомъ время!

Д. О.

Первые дни жизни моей въ Христіанствѣ. *

(Изъ записокъ Миссіонера-Священника, обращеннаго изъ евреевъ.)

Какъ пробужденный послѣ глубокаго и продолжительнаго сна дѣйствуетъ нѣкоторое время безсознательно, самъ не понимая ни значенія, ни цѣли своихъ дѣйствій, пока не приходятъ въ себя его душевныя силы: такъ точно случилось и со мною по пробужденіи моемъ изъ мрачнаго сна заблужденія Іудейскаго и просвѣщеніи меня свѣтомъ Христовымъ. Все происходившее со мною въ день св. крещенія моего и послѣ него, въ церкви и внѣ оной, представлялось мнѣ тогда въ какомъ-то неясномъ видѣ; я былъ тогда какъ будто внѣ себя, такъ что всѣ теперешнія воспоминанія мои о тогдашнемъ времени какъ-то смутны, неопредѣленны, какъ будто все тогда происходило со мною во снѣ. Одно только то ясно припоминаю себѣ, что когда я первый разъ вступилъ въ св. храмъ для оглашенія, то при обзорѣннѣ расположенія храма и алтаря рисовались въ воображеніи моемъ Скинія свидѣнія Мойсеева и храмъ Соломоновъ. Не смотря на тщательное преднамѣреніе мое слѣдить за внутренними движеніями души своей во время совершенія надо мною въ первый разъ Св. Таинства, — что внушено было мнѣ моимъ крестнымъ отцемъ, священникомъ В. К., я никакъ немогу понять, какимъ образомъ все происходившее тогда со мною

* Эта статья служитъ продолженіемъ напечатанной въ 6 и 7 *ММ* Епархіальныхъ Вѣдомостей подъ заглавіемъ «Мое обращеніе въ Христіанство.»

ускользнуло отъ моего вниманія. Впрочемъ, припоминая себѣ это, я однакоже успокоиваюсь тою мыслію, что такъ, а не иначе, оно и быть должно: ибо Крещеніе есть духовное рожденіе, а рожденіе естественно совершается безсознательно со стороны раждающагося. Также и цѣлый день послѣ крещенія моего, который я провелъ въ домѣ крестнаго отца своего въ бесѣдахъ съ нимъ о новой моей жизни и о возлагаемыхъ на меня новыхъ обязанностяхъ, я тоже былъ внѣ себя. И только вечеромъ того дня, пришедши изъ церкви послѣ вечерни домой, на обыкновенную квартиру свою, я пришелъ въ себя и началъ припоминать все случившееся со мною въ тотъ день. Первымъ дѣломъ моимъ было, по входѣ въ домъ своихъ хозяевъ — ознаменовать себя трижды крестнымъ знаменіемъ, по обычаю русскихъ христіанъ. Нужнымъ считаю замѣтить, какое впечатлѣніе произвелъ на моихъ хозяевъ этотъ неожиданный для нихъ поступокъ мой. Хозяева мои принадлежали къ сектѣ закоснѣлыхъ раскольниковъ. Они вовсе не знали о намѣреніи моемъ сдѣлаться христіаниномъ * и

* Скрывалъ я отъ хозяевъ свое приготовленіе къ св. Крещенію по двумъ причинамъ: во первыхъ, имѣвъ неоднократно съ ними споры о религіи и одержавши побѣду надъ ихъ невѣжествомъ относительно вѣры христіанской, я какъ-то совѣстился обнаружить предъ ними расположенность свою къ хулимою мною прежде Вѣрѣ;—во вторыхъ, хозяева мои, какъ закоренѣлые раскольники, неоднократно и сами высказывались не выгодно о православной Вѣрѣ что мнѣ, какъ не имѣвшему еще ни какого понятія объ русскихъ раскольникахъ, даже пріятно было слышать, такъ какъ я относилъ богомерскія хулы ихъ вообще ко всему христіанству; теперь же, задумавъ обратиться въ Православную Вѣру, я боялся, чтобы они своими разговорами не поколебали моей рѣшимости и не отвратили меня отъ дознанной мною истинности христіанской вѣры.

разумѣтся были поражены, вдругъ увидѣвши меня знаменующимся св. крестомъ. Узнавъ изъ разсказа моего, что я уже не врагъ Христовъ, а вѣрный поклонникъ Его, они бросились обнимать и цѣловать меня, тотчасъ раскрыли свою застеклянную божницу, зажгли лампаду и накурили комнату ладономъ; за тѣмъ начали меня учить, какъ должно по христіански Богу молиться, при чемъ грамотный сынъ ихъ раскрылъ писанную по славянски псалтырь, и, указавъ мнѣ нарисованный образецъ двухперстнаго креста, прочиталъ мнѣ правила употребленія его. Между тѣмъ хозяйка дома устала столъ разными яствами, посадили меня съ собою и угощали очень радушно, такъ что я этимъ усердіемъ былъ разстроганъ до слезъ. По окончаніи стола меня опять учили по ихнему молиться, дали мнѣ четки (лѣстовку) въ лѣвую руку и положили предо мною ситцевую подушечку для поклоновъ; а грамотный сынъ ихъ началъ читать молитвы на сонъ грядущимъ. Не зная совершенно ни сущности, ни значенія русскаго раскола, я принималъ всякое внушеніе ихъ за истину и благодарилъ ихъ за такое усердіе ко мнѣ. Увы! на долго, быть можетъ, я остался бы въ раскольническомъ заблужденіи, если бы Провидѣніе не предназначило мнѣ въ воспріемнаго отца священника.

Но какъ ни былъ утѣшителенъ для меня такой радужный пріемъ хозяевъ, я все таки еще не сознавалъ возобновленія души своей чрезъ св. Крещеніе. Когда же я раздѣлся и легъ на постель, вдругъ блеснулъ въ глаза мои надѣтый на меня при крещеніи моемъ крестикъ. О Боже! едва ли во всѣ прожитые мною

до того годы проливалъ я столько слезъ умиленія, сколько катилось ихъ изъ глазъ моихъ при этомъ случаѣ! Какъ живо представилось въ умѣ моемъ то время, когда этотъ крестъ неоднократно былъ мною и оплеванъ и потоптанъ ногами, когда я и тайно и явно изрыгалъ разныя богомерзскія хулы на Распятаго; а теперь крестъ этотъ—на мнѣ и служить для меня предметомъ вѣры, жизни и спасенія! Откуда же явилась во мнѣ такая рѣшительная перемѣна?—спрашивалъ я самъ себя. И вотъ когда я былъ такъ растроганъ, мнѣ показалось какъ будто какой-то голосъ читаетъ мнѣ слова Пророка Захаріи: *и воззрятъ Нань, Елю же про- бодоша: и восплачутся о Немъ плаканіемъ, яко о возлюбленномъ, и побоятъ о Немъ болѣзнію, яко о Первенцѣ* (Захар. 12, 10.)

На другой день, помолившись утромъ опять подъ руководствомъ своихъ хозяевъ, я отправился въ классъ для обычныхъ своихъ занятій. Въ классъ же я не преминулъ видѣться съ своими товарищами, принявшими со мною вмѣстѣ св. крещеніе, которые между прочимъ сообщили мнѣ извѣстіе о томъ, какіе толки ведутъ о насъ—ново-крещенныхъ—оставшіеся еще въ заблужденіи іудейскомъ кантонисты еврейскіе. Узнавъ, что заблудшіе товарищи раздѣлились на двѣ партіи: одну—добывавшуюся причины неожиданнаго обращенія моего, а другую—насмѣхавшуюся надъ такимъ поступкомъ моимъ,—я рѣшился сблизиться съ первой, дабы оправдать свой поступокъ въ глазахъ ихъ. Такое намѣреніе мое вскорѣ увѣнчалось не только предположеннымъ успѣхомъ, но еще вразумило 18 человекъ,

которые рѣшились обратиться ко Христу — истинному Мессіи — и принять св. Крещеніе. Мало по малу и всѣ оставшіеся сначала вступили въ споры съ обратившимися, потомъ сближались съ ними, а наконецъ и сами обращались. Такимъ образомъ къ Марту 1845 г. обратилось болѣе 80 человекъ, оставшихся еще не крещенными во время моего обращенія.

По обращеніи всѣхъ моихъ товарищей въ христіанскую вѣру, я опять началъ пользоваться въ средѣ ихъ тѣмъ же авторитетомъ, какимъ я пользовался прежде — до крещенія моего. Первоначальнымъ нашимъ общимъ дѣломъ было обсужденіе того, куда намъ дѣвать наши богомольныя еврейскія вещи? — при чемъ общимъ голосомъ рѣшили: священныя хранилища (Тфилинъ) * и всѣ талмудическія книжки предать огню, а псалтыри еврейскія знающимъ хорошо еврейскій языкъ удержать у себя, для молитвеннаго употребленія, такъ какъ Всевѣдущій Богъ принимаетъ молитвы, на какомъ бы языкѣ они ни произносились; шелковыя покрывала, подсвѣчники и другія вещи, бывшія въ употребленіи при нашемъ молитвенномъ собраніи, отдать въ церковь христіанскую, какъ благодарную жертву Господу Богу — Просвѣтителю душъ нашихъ. вмѣстѣ съ тѣмъ всѣми товарищами было принято единодушно и то мнѣніе мое, что съ нашей стороны слѣдовало бы воздвигнуть какой либо памятникъ, который служилъ бы знакомъ

* Это кожаные четырехугольные ящики, въ коихъ зашиваются писанныя на пергаментѣ слѣдующія мѣста Библии: Исх. 13, 1—10; тамъ-же 11—16. Второз. 6, 4—9; тамъ же 11, 13—21.

благодарности нашей Богу—Спасителю нашему, подобно тому, какъ предки наши воздвигли памятникъ по переходѣ ихъ чрезъ Иорданъ въ землю Обѣтованную. Для этой цѣли всѣ мы согласились жертвовать изъ тѣхъ наградныхъ денегъ, которыя слѣдовало намъ получить изъ казны въ количествѣ 25 руб. ассиг.; нѣкоторые подписали все это количество, а иные—только половину. Начальство нашего заведенія, услышавши о такомъ поступкѣ новокрещенныхъ евреевъ, составило отъ себя подписку на тотъ же предметъ; а при живѣйшемъ участіи баталіоннаго командира, полковника Софронова, желаніе наше было въ скорости приведено въ исполненіе. Мы рѣшились употребить собранныя деньги на сооруженіе иконы Святителя Христова Николая, въ большомъ кіотѣ, съ приличною надписью. Эта икона съ военною церемоніею и крестнымъ ходомъ перенесена была 9 Маія 1845 года въ Николаевскій Соборъ, гдѣ она и до этихъ поръ находится и свидѣтельствуетъ о неизреченной милости, которую Господь явилъ въ этомъ св. храмѣ просвѣщеніемъ многихъ чадъ заблудшаго израиля свѣтомъ Вѣры Христовой.

Мое участіе въ дѣлѣ обращенія товарищей моихъ не могло долго оставаться втайнѣ: нашъ бригадный командиръ, при полученіи свѣдѣнія обо мнѣ, тотчасъ потребовалъ меня къ себѣ, и, послѣ распросовъ о ходѣ обращенія моего и товарищей моихъ, приказалъ мнѣ написать въ особенности то, чѣмъ я убѣждалъ товарищей своихъ къ принятію христіанской Вѣры. Не смотря на то, что я отказывался какъ по малограмотности

такъ и по не умѣнію писать по русски, приказаніе начальника я долженъ былъ волею и не волею исполнить. Чувствуя себя совершенно не способнымъ передавать что либо на русскомъ языкѣ, я по этому избралъ себя въ сотрудники одного изъ способнѣйшихъ новокрещенныхъ кантонистовъ, который еврейскій складъ мыслей моихъ свободно и хорошо могъ перелагать на русскій языкъ; и такимъ образомъ чрезъ нѣсколько дней заказанное начальникомъ сочиненіе, заключающее въ себя много Пророческихъ сказаній на священно-еврейскомъ языкѣ и имѣвшее надпись: «письмо къ заблудшимъ евреямъ,» окончено и подано отъ лица моего и вмѣстѣ сотрудника моего *А. Софронова* *, бригадному командиру. Съ этого времени мы получили отъ главнаго начальника названіе Миссіонеровъ.

Между тѣмъ нашему бригадному командиру послѣдовало предписаніе отъ вышаго начальства переѣхать для квартированія въ Казань, гдѣ 2 баталіона кантонистовъ подлежали его же завѣдыванію. При прощаніи онъ поручилъ насъ попеченію баталіоннаго нашего командира полковника Софронова и предварительно распорядился о приѣмѣ новой партіи еврейскихъ кантонистовъ, завѣщавъ мнѣ и товарищу моему *А. Софронову* заботиться о вразумленіи этихъ единоплеменниковъ нашихъ къ принятію ими христіансва. Партія эта, сос-

* Этотъ сотрудникъ мой *А. Софроновъ* со мною вмѣстѣ въ послѣдствіи былъ принятъ въ духовное званіе; но чрезъ 3 года обученія своего въ семинаріи за дурные поступки исключенъ и опять возвращенъ въ первобытное состояніе.

тоявшая изъ 130 человекъ, прибыла въ наше отдѣленіе въ 20-хъ числахъ Маія 1845 года, и мы ежедневно посѣщали заблудшихъ собратій своихъ въ казармахъ, гдѣ они всѣ вмѣстѣ квартировали, вели съ ними цѣлодневныя бесѣды и переговоры на еврейско-разговорномъ языкѣ и читали съ ними священное писаніе по привезеннымъ ими же книгамъ. Такой способъ дѣйствованія нашего увѣнчался весьма скорымъ успѣхомъ: вся партія единогласно по истеченіи одной недѣли объявила намъ желаніе свое обратиться въ христіанство. Объ этомъ немедленно донесено было нами баталіонному командиру, который съ своей стороны, съ отеческою заботливостію, въ краткое время нашелъ для всѣхъ желающихъ креститься воспріемникомъ. Когда же вся партія эта научена была главнымъ молитвамъ христіанскимъ, въ чемъ принимали живое участіе всѣ новокрещенные кантонисты: тогда въ первый день праздника Пятидесятницы вся партія приведена была въ Николаевскій Соборъ для оглашенія; а на другой день изъ того же Собора съ военною церемонією и крестнымъ ходомъ, при полномъ соборѣ тамошняго духовенства, крещающіеся, каждый съ своими воспріемниками, отправились къ нарочито устроенному Іордану на рѣкѣ Волгѣ, гдѣ и приняли св. крещеніе въ присутствіи нѣсколькихъ тысячъ народа.

Вотъ одна свѣтлая черта дѣятельности моей въ христіанствѣ! Но проводя этотъ періодъ жизни въ описанныхъ занятіяхъ, къ которымъ, какъ для всякаго очевидно, я былъ вызванъ разными случаями, я въ то же время терпѣлъ разныя искушенія, какъ въ религіоз-

номъ и нравственномъ отношеніи, такъ и извнѣ, воздвигнутыя общимъ врагомъ спасенія нашего, съ цѣлю, разумѣется, уловить меня въ свои сѣти. Эти искушенія преслѣдовали меня тогда на каждомъ шагу первоначальной моей христіанской жизни.

Въ то время какъ я, подъ руководствомъ своего крестнаго отца, изучалъ христіанство, занимаясь чтеніемъ Евангелія, твореній Св. Отцевъ церкви и другихъ духовнаго содержанія книгъ, меня преслѣдовали раскольники въ лицѣ хозяевъ моихъ и, по ихъ направленію, расколо-учитель, житель г. Волска, мѣщанинъ В. Цацынъ, который всѣми мѣрами старался привлечь меня въ свой расколъ. * Не могу передать всѣхъ обстоятельствъ многократныхъ случаевъ, приводившихъ меня въ это богопротивное сношеніе съ упомянутымъ расколо-учителемъ, а нужнымъ только считаю замѣтить, что почти при каждомъ разговорѣ его со мною, онъ такъ отзывался о Православной нашей Вѣрѣ: «Церква ваша, говорилъ онъ мнѣ,» есть упоминаемая въ Апокалипсисѣ «блудница съ золотою чашею въ рукахъ; Вавилономъ» называется вашъ Православной мѣръ; русскій Царь» есть предтеча антихристовъ, духовенство—служители его» и т. под. Можно уже заключить изъ подобныхъ словъ, какое впечатлѣніе, какое дѣйствіе должны были производить на меня, еще несовершенно утвержденного

* Объ убѣждавшемъ меня обратиться въ расколъ расколо-учителѣ В. Цацынѣ даже дѣло заведено было въ томъ году по уѣздному присутственному мѣсту, по поводу разказа моего крестному отцу своему о дѣйствіяхъ на меня онаго Цацына, за что онъ подвергся законному преслѣдованію.

въ христіанствѣ, внушенія этого лжеучителя? Но Господь, *заповѣдавъ Ангеламъ своимъ сохранить человека во всѣхъ путяхъ его*, послалъ и мнѣ такого ангела-хранителя въ лицѣ священника В. Кузнецкаго—крестнаго отца моего, который, какъ только узналъ о случившемся со мною, то всѣми мѣрами старался поддерживать мой умъ и сердце отъ соблазна и искушеній. И я, по наставленіямъ его, впередъ избѣгалъ всякой встрѣчи съ раскольниками, коими наполнена была большая часть г. Волска.

Не менѣе искушеній постигло меня и на пути нравственной жизни моей. Въ этомъ именно отношеніи я могу сказать словами апостола Павла: *еще хвалитесь ли подобаетъ, о немощи моей похваляюся*, (2 Кор. 11, 30). Со времени распространенія молвы о подвигѣ моемъ въ дѣлѣ обращенія моихъ сотоварищей, мнѣ старались оказывать знаки вниманія и уваженія, и особенно тогда, когда покойный Преосвященный Саратовскій Іаковъ, по полученіи отъ Вольскаго Благочиннаго писаннаго экземпляра сочиненія нашего, прислалъ мнѣ и товарищу моему золотыя иконки на андреевской лентѣ, которыя, по приказанію бригаднаго командира нашего, мы должны были носить на шеѣ по верхъ платья, какъ знакъ миссіонерскаго служенія. При такомъ благопріятномъ состояніи моемъ, я началъ было уже забываться; въ душѣ моей начали уже тогда бушевать разныя гнустныя страсти: кичливость, высокоуміе, надменность, славолубіе, сладострастіе и другіе пороки уже начали вить себѣ гнѣздо въ сердцѣ моемъ, и я, казалось тогда, сдѣлался бы неминуемою жертвою по-

гибели, если бы десница Господня не исхитила меня отъ этой ужасной участи. Однажды въ какой то великій праздникъ (кажется Благовѣщенія, потому что это было во время Великаго поста), я стоялъ въ св. храмѣ на всенощномъ служеніи и услаждался тихимъ и стройнымъ пѣніемъ церковнымъ; какъ вдругъ является во мнѣ такая мысль: «какъ хорошо было бы мнѣ, если бы я могъ быть хоть дьячкомъ, для того, чтобы и я могъ знать, что поется во всякое время въ церкви.» При подобной мысли умъ мой какъ-то незамѣтно занесся далеко—далеко въ разныя мечтательныя представленія, и въ такомъ самозабвеніи я находился до того времени, пока тихимъ и унылымъ голосомъ не запѣли: *отъ юности моя мнози борють мя страсти.....* Это пѣніе, возбудивши меня отъ мечтаній, до того тронуло мое сердце, что я, вспомнивши—сколько страстей обуреваютъ мою душу!—повергся ницъ лицомъ и со слезами умиленія снова произносилъ слова: *отъ юности моя мнози борють мя страсти; но Самъ мя заступи и спаси Спасе мой!!* Послѣ описаннаго случая я по выходѣ изъ церкви возимѣлъ твердую рѣшимость наблюдать за собою при каждомъ поступкѣ,—что казалось мнѣ съ виду легкимъ, но на опытѣ я вскорѣ дозналъ, что это очень—очень трудно выполнить. Ахъ, еще тогда я испыталъ на себѣ непровержимость словъ Апостола Павла: *не еже бо хошу доброе, творю; но еже не хошу злое, сіе содѣваю* (Римл. 7, 19.)!

Будучи такимъ образомъ подверженъ искушеніямъ со стороны внутренней, я вскорѣ долженъ былъ выдер-

жать искушеніе со стороны окружающих меня, чему вмѣстѣ со мною подвергся и товарищ мой А. С. сотрудникъ мой по вышесказанному сочиненію. Надобно замѣтить, что какъ сначала, вскорѣ послѣ крещенія моихъ прежнихъ сотоварищей, насъ полюбили и уважали всѣ,—и начальствующіе лица и нижніе чины, и сами новокрещенные—такъ въ послѣдствіе времени многіе начали ненавидѣть насъ и причинять намъ всякія напасти. И нужно ли объяснять, что причиною такой перемѣны нашего состоянія было то, что главные начальники нашего отдѣленія оказывали мнѣ и товарищу моему такіе знаки благорасположенія, которые въ другихъ возбуждали зависть къ намъ? Съ отбытіемъ изъ нашего города бригаднаго командира, по переѣздѣ его въ Казань, обращеніе съ нами офицеровъ и учителей, до того времени ласковое и почтительное, сдѣлалось вдругъ грубымъ, придиричивымъ, что разумѣется для насъ было тягостно и невиносимо. Даже и при радостномъ торжествѣ, когда совершалось торжественное крещеніе 130 человекъ, и когда виновниками этаго всѣ признавали меня и товарища моего, и тогда ненавистники наши находили случай оскорблять насъ предъ новокрещаемыми. А въ классахъ и въ ротѣ—нечего и говорить: нужно было только замѣтить въ чемъ нибудь малѣйшую нашу неисправность, слѣдовало хоть въ одномъ словѣ ошибиться намъ при выслушаніи урока въ классѣ, тотчасъ же въ томъ и другомъ случаѣ изъ устъ обучавшихъ насъ учителей градомъ сыпались на насъ бранныя слова, а иногда наносили намъ даже и ручные побои,—на что я, а по примѣру моему, и то-

варищъ мой, нисколько не думали жаловаться баталіонному командиру, всегда расположенному къ намъ; а думали все преодолевать терпѣніемъ. Но особенною опасностію грозило намъ слѣдующее обстоятельство, которое кажется уже было послѣднею мѣрою искушенія нашего.

Однажды, вскорѣ послѣ упомянутаго торжественнаго крещенія цѣлой партіи, въ классѣ учитель оказалъ намъ, безъ всякой почти причины, слишкомъ уже не выносимое обращеніе, такъ что товарищъ мой, болѣе меня смѣлый и предприимчивый, вздумалъ было защищаться и просить хоть какого нибудь снисхожденія къ намъ того учителя. Это справедливое требованіе товарища моего было гласно признано учителемъ предъ цѣлымъ классомъ учениковъ за грубость,—за что, разумѣется, онъ уже имѣлъ полное право подвергнуть виновника среди класса наказанію розгами. Претерпѣвшій безвинно такое наказаніе, товарищъ мой тотчасъ послѣ класовъ принесъ личную жалобу баталіонному командиру, который былъ ему и крестнымъ отцемъ. Когда же баталіонный командиръ, въ защиту обиженнаго, арестовалъ обидчика учителя и посадилъ его на гауптвахту, то за это возстали всѣ офицера и учителя нашего отдѣленія, требуя нарядить особую комиссію для разбирательства, по ихъ мнѣнію, самоуправнаго распоряженія баталіоннаго командира.—

Командиръ, встревоженный всеобщимъ возстаніемъ, вынужденъ былъ исполнить ихъ требованіе. Еще комиссія не успѣла приступить даже къ разсмотрѣнію порученнаго ей дѣла, а враги наши уже грозили подсуд-

ностию и острогомъ товаришу моему, а съ нимъ и мнѣ, какъ участнику будто бы въ его дерзкомъ поступкѣ. Ахъ, ужасное томленіе охватило меня тогда, не смотря на то, что я сознавалъ себя совершенно невиннымъ! Куда дѣлась тогда моя вѣра, мое упованіе на Божій Промыслъ? Меня что-то пугало и возбуждало въ умѣ моемъ такую богопротивную мысль: «Не есть «ли это кара Божія за то, что я нарушилъ клятву,» «данную мною еврейскому учителю своему и роднымъ своимъ—не измѣнять вѣрѣ отцевъ своихъ?!» Увы,—вотъ какою сѣтїю малодушія и отчаянія успѣлъ опутать меня врагъ нашего спасенія, который, подобно рыкающему льву, изыскивалъ всѣ возможные случаи уловить меня въ свои сѣти. Но Господь, по всеблагому смотрѣнію Своему, недопускающій искутиться человѣку сверхъ силъ своихъ, успѣшилъ исхитить душу мою изъ рукъ сопротивныхъ. Въ тотъ самый день когда упомянутая комиссія открыва было засѣданіе для начатія своего дѣла, получается Высочайшій указъ объ увольненіи меня и товарища моего изъ военного сословія въ духовное званіе, съ вознагражденіемъ насъ обоихъ по 50 руб. сер. *.

Иной сочтеть, конечно, описываемое событіе случайностию или обыкновеннымъ стеченіемъ обстоятельствъ. Но око вѣрующаго ясно увидитъ въ этомъ дивное дѣйствіе божественнаго Провидѣнія, явленное въ одно и тоже время для утѣшенія и подкрѣпленія упавшаго духа невинныхъ страдальцевъ и для обличенія оби-

* Какими путями устроилась такая перемѣна состоянія нашего, объ этомъ сообщу въ слѣдующей статьѣ.

дящихъ,—что впрочемъ успѣлъ высказать тогда же въ присутствіи комисіи баталіонный нашъ командиръ полковникъ И. Н. Софроновъ. О, воистину сбылось тогда надъ нами утѣшительное обѣщаніе Св. Апостола, что Господь, *Иже Самъ искушенъ бывъ, можетъ и искушаемымъ помощи*, (Евр. 2, 18)!

И въ самомъ дѣлѣ, каково же должно было быть для насъ утѣшеніе, когда въ тотъ самый день я и товарищъ мой оба стояли въ классѣ на колѣнахъ за ошибочное изученіе уроковъ, при чемъ еще инспекторъ классовъ приговаривалъ намъ разныя угрозы и прещенія; и вотъ, въ добавокъ нашей скорби, является къ намъ въ классъ ординарецъ съ требованіемъ насъ въ баталіонную канцелярію. Сердце наше содрогнулось отъ страха и трепета при этомъ требованіи; намъ представилось, что мы, какъ преступники, идемъ къ мѣсту выслушанія страшнаго приговора надъ нами комисіи: но вмѣсто того, едва только мы вошли въ канцелярію, какъ тотчасъ Полковникъ и всѣ находившіеся тамъ офицеры и учителя встаютъ предъ нами и почтительно кланяются намъ; а правитель канцеляріи начинаетъ громогласно читать Высочайшій указъ о всемилостивѣйшемъ благоволеніи къ намъ Монарха, а потомъ распоряженіе Военнаго Министра. Вслѣдъ за тѣмъ каждый порознь подавалъ намъ руку и поздравлялъ насъ съ Монаршею милостію, причемъ я и товарищъ мой отъ чрезмѣрной радости заплакали,—чѣмъ растроганы были многіе изъ присутствовавшихъ; словомъ: слезы благодарности къ Богу, посѣтившему насъ малою печалію и премудро перемѣнившему печаль на-

шу въ радость, кончились тѣмъ, что мы поспѣшили тотчасъ же въ Николаевскій Соборъ излить благодарныя чувства свои предъ Престоломъ Всемилостиваго Щедродателя и небеснаго Утѣшителя.

Вспоминая теперь критическія минуты первоначальныхъ дней моихъ въ христіанствѣ, я невольно взываю ко Господу: *Помянухъ дни древнія, поучаясь во всѣхъ дѣльхъ Твоихъ.* (Псал. 142, 5.—)

Свящ. Н. Кузнецкій.

О Грекахъ просящихъ милостыню.

Съ открытіемъ весны начали опять появляться въ нашемъ краѣ просители милостыни Греки. Въ нынѣшній разъ они очень жалуются на скудость подаянія и увѣряютъ, что ихъ предшественники, бывшіе здѣсь года два назадъ, получали гораздо большія подаянія и возвратились на родину почти обезпеченными на нѣскольکو лѣтъ. Дѣйствительно, мы сами помнимъ, что два-три года назадъ грековъ просителей принимали какъ-то радушнѣе, были къ нимъ внимательнѣе и щедрѣе.

Отчего же произошла такая перемѣна? Если причиною этому только теперешняя скудость нашего края, вслѣдствіе частыхъ неурожаевъ, то это еще не бѣда. Если меньшая милостыня раздается потому, что явилось большее число просителей, то и это еще естественно. Если вниманіе ослабѣло вслѣдствіе того, что греки, часто появляясь среди насъ и въ значительномъ

числѣ, перестали быть новостью и нѣсколько прискучили, то и это еще извинительно. Но мы боимся, что кромѣ всѣхъ этихъ причинъ тутъ важное значеніе имѣетъ еще одна особенная.

Отъ многихъ лицъ, съ которыми намъ приходилось говорить объ этомъ предметѣ, мы неоднократно слышали такого рода отзывы, что греки-просители очень назойливы, хитры, жадны къ деньгамъ, грубы, грязны, оборваны и подобн.—Неоспоримо, что во всѣхъ этихъ отзывахъ есть своя доля правды. Но нельзя вмѣстѣ съ тѣмъ не сказать, что такой судъ слишкомъ безжалостенъ. Дѣлающіе такой приговоръ о бѣдныхъ грекахъ-просителяхъ забываютъ, о комъ они такъ отзываются, не обращаютъ вниманія на тѣ бѣдственные обстоятельства, которыя своимъ ужаснымъ вліяніемъ довели эти бѣдные, но славные нѣкогда народы до такого ужаснаго положенія. Послушайте, какъ разсуждаетъ объ этомъ дѣлѣ человѣкъ, близко знакомый съ восточными христіанами. Мы разумѣемъ г. Т. Филиппова и его очень любопытную статью »Нѣсколько словъ о Несторіанахъ«^{*}. Вотъ что говоритъ онъ въ концѣ ея:

»Въ заключеніе своихъ замѣтокъ считаемъ необходимымъ сказать нѣсколько словъ о томъ предубѣжденіи, съ которымъ большая часть нашего общества смотритъ на восточныхъ христіанъ, не только иновѣрныхъ, но и православныхъ. Ихъ невѣжество, хитрость, жадность къ деньгамъ, продажность и другіе пороки, которые отрицать было бы странно, внушаютъ намъ какое-то брезгливое отвращеніе къ этимъ несчастнымъ

^{*} См. Русскій Вѣстн. 1862 г. м. Августъ стр. 818 и 819.

народамъ и не находятъ на нашемъ слѣпомъ судѣ никакого оправданія; тогда какъ это оправданіе, по крайней мѣрѣ условное и относительное, само напрашивается на наше вниманіе. Эти народы — *рабы*.

Можетъ-быть нѣкоторымъ изъ указанныхъ нами пороковъ восточныя племена причастны и по своей природѣ. Такъ, о грекахъ мы имѣемъ простодушное и безспорное свидѣтельство нашего честнаго Нестора, который говоритъ, что они были *льстивы* и въ его время, и прежде, слѣдовательно еще во дни своей свободы.

Объ Армянахъ сохранились такого же рода показанія, болѣе раннія; на примѣръ: въ знаменитомъ надгробномъ словѣ Василию Великому, произнесенномъ другомъ и совоспитанникомъ его Григоріемъ Богословомъ, разсказывается чрезвычайно знаменательный случай, бывшій съ Св. Василиемъ въ Аѳинской школѣ и особенно сблизившій его съ Св. Григоріемъ. Случай этотъ состоялъ въ томъ, что армянское отдѣленіе Аѳинской школы, завидуя необычайной ученой славы и геніальнымъ дарамъ Василя, составило противъ него заговоръ, имѣвшій цѣлью унижить его и лишить того всеобщаго почета, который онъ успѣлъ приобрести, имѣя шестнадцать лѣтъ отъ рожденія. Св. Григорій, умѣвшій уничтожить злой умыслъ Армянъ, повѣствуя объ этомъ въ надгробной рѣчи, сдѣлалъ общій о нихъ отзывъ: что Армяне скрытны, коварны и вѣроломны.

Но сколько бы ни было въ восточныхъ племенахъ природной склонности къ порокамъ, столь поражающимъ Европейца, именно мы, сами причастные еще мно-

гимъ восточнымъ порокамъ, должны быть разсудительнѣе въ своихъ порицаніяхъ и умѣрять наши неистовые вопли, которые могутъ обратиться на нашу собственную голову: вотъ, могутъ сказать про насъ, обрадовались, что нашли хуже себя. Главное же, мы не должны забывать, что восточные пороки поражаются, развиваются и поддерживаются рабствомъ. Вспомнимъ то, давно ли и нашему народу дарована благодать свободы, и не осталось ли на насъ самихъ слѣдовъ только что уничтоженнаго рабства, безъ сравненія, болѣе мягкаго и слѣдовательно менѣе растлѣвающаго чѣмъ то, подъ игомъ котораго стонуть наши восточные братья, не предвидя ему конца?

Почтимъ же божественный даръ свободы глубокимъ и теплымъ сочувствіемъ къ менѣе насъ счастливымъ членамъ человѣческаго рода, которымъ суждено еще (Богъ знаетъ сколько лѣтъ) терпѣть унижительное и развращающее ярмо *невольнаго* порабощенія, а въ особенности щедрымъ и братолюбивымъ общеніемъ въ духовныхъ и вещественныхъ благахъ съ тѣми изъ нихъ, которые насъ ищутъ и которыхъ мы сами можемъ найти, чтобы протянуть имъ благодѣющую руку. Перестанемъ оскорблять и безъ того переполненныя скорбію сердца ихъ жестокими и преувеличенными укорами. Поймемъ наконецъ, что было бы несправедливо однимъ и тѣмъ же судомъ судить свободнаго и раба.

Н. Даниленко.

24 Апрѣля
1863 г.

КРЕСТНЫЙ ХОДЪ ВЪ ГОРОДЪ ПЕРЕЯСЛАВЪ, (ПОЛТАВСКОЙ ГУБЕРНІИ).

2-го Мая въ городъ Переяславъ ежегодно совершается крестный ходъ изъ бывшаго Каѳедральнаго Вознесенскаго собора къ рѣкѣ Альтѣ, на мѣсто мученической кончины святаго Благовѣрнаго Князя Бориса, * пострадавшаго въ 1015 г. 24 Юля. Установленіе этого торжества относится къ отдаленнымъ временамъ отечественной Церкви, именно къ 1073 году.

Извѣстно, что тѣло убиеннаго Князя Бориса погребено было въ Вышгородѣ, въ церкви святаго Василія. Послѣ того, чрезъ четыре года, тамъ же погребенъ и братъ его святой Глѣбъ. Господу угодно было прославить нетлѣніемъ и чудесами Святыхъ Мучениковъ скоро послѣ ихъ кончины: Церковь причла ихъ къ лику Святыхъ еще при Великомъ Князѣ Ярославѣ и Митрополитѣ Кіевскомъ Іоаннѣ (послѣ 1020 года). Ярославъ построилъ въ Вышгородѣ въ честь святыхъ Страстотерпцевъ деревянную церковь, освященіе которой праздновалъ 7 дней.

Послѣ Ярослава правилъ Кіевомъ Изяславъ. Онъ съ великою вѣрою чтить Святыхъ Мучениковъ: Въ день ихъ памяти всегда посѣщаль храмъ, посвященный ихъ имени, и раздавалъ убогимъ богатую милостыню. Когда же построенная Ярославомъ церковь пришла въ ветхость, онъ построилъ въ честь ихъ новую, какъ говорить Лѣтопись, объ одномъ верхѣ, которую рос-

* Въ 3-хъ верстахъ вверхъ по рѣкѣ отъ Переяслава.

писалъ и украсилъ чудно. 2-го Мая 1072 года Митрополитъ Георгій совершилъ торжество перенесенія святыхъ мощей Бориса и Глѣба изъ церкви св. Василія въ новопостроенную церковь. Въ торжествѣ этомъ, въ числѣ другихъ многихъ, принимали участіе Князь Всеволодъ, Епископъ Петръ и Игуменъ Николай Переяславскіе. Тогда же установлено было навсегда праздновать въ честь Святыхъ Мучениковъ Бориса и Глѣба 2-е Мая.

Можно думать, что съ этого времени стали благочестно чтить и другія мѣста, ознаменованныя памятію Святыхъ Мучениковъ Бориса и Глѣба. Составитель древняго сказанія о чудесахъ этихъ Святыхъ говоритъ: »и на мѣстахъ, идѣже Мученическимъ вѣнцемъ Святые Борисъ и Глѣбъ увязостася, здани быша церкви во имя ею, и ту посѣщающимъ многа чудеса содѣваются.« Достоверно извѣстно, что въ 1117 году, славный побѣдами, Переяславскій Князь Владиміръ Мономахъ создалъ на мѣстѣ убіенія Бориса прекрасную каменную церковь во имя Святыхъ Братьевъ уже *подль древней божаницы*; поэтому съ полною вѣроятностію можно заключить, что въ слѣдующемъ 1073 году была построена на Альтѣ часовня или церковь (т. е. та деревянная боженица). Тогда же учрежденъ и крестный ходъ на р. Альту, ибо въ Лаврентьевской Лѣтописи, въ сказаніи о Мономаховомъ сынѣ Юріи Долгорукомъ, который находился въ Переясловѣ въ 1151 году, уже прямо говорится о праздникѣ 2 мая на Альтѣ и крестномъ ходѣ сюда изъ Переяслава, какъ объ учрежденіи уже *бывшимъ прежде*. Тамъ сказано: »при-

спѣвшу празднику Святыхъ Мучениковъ, ходилъ онъ на Алту.« Въ 1154 году Половцы сожгли Мономахову церковь на Алтѣ.

Въ 1660 году царь Алексѣй Михайловичъ далъ Межигорскому Монастырю грамоту: »на строеніе Монастыря на крови Святаго Страстотерпца Бориса.« Монастырь однакожь небылъ построенъ, а только Межигорскій Иеромонахъ Феодосій поставилъ часовню, по народному названію *капличку*, и обнесъ ее валомъ. Въ этой часовнѣ въ 1664 году 2 мая Переяславскій Протопопъ Григорій Бутовичъ поставилъ каменный крестъ *. Межигорскіе монахи, проживавшіе на Монастырскомъ подворьѣ въ селѣ Демянцахъ, служили молебны у Креста для приходящихъ на праздникъ 2 мая. Съ 1787 года Альтская каплица перешла въ вѣдѣніе Демянской Церкви. Въ настоящемъ столѣтіи участокъ Альтскаго берега, на которомъ построена Борисовская часовня, поступилъ во владѣніе помѣщика Кондратьева.

Изъ всѣхъ этихъ скудныхъ и отрывочныхъ, до насъ дошедшихъ извѣстій, открывается, что мѣсто мученической кончины Св. Бориса всегда было глубоко чтимо народомъ, и праздникъ и торжество 2 Мая въ честь Мучениковъ издревле праздновалось.

* Въ устроеніи Креста принималъ участіе Стрелецкій голова Селиванъ Кириловичъ Бѣлый. На Крестѣ вырѣзаны слова: ІС. ХС. НІ.КА. На другой сторонѣ буквы Г. В. П; а подъ ними значится надпись: дѣлалъ Крестъ сей Харко Безпалчій, мельникъ, съ товарищемъ своимъ Мартиномъ.

Въ 1834 году прибылъ на Полтавскую паству Преосвященный Гедеонъ. Въ числѣ предметовъ, на которые новый Архипастыръ всего прежде обратилъ свое вниманіе, — была забота: построить храмъ въ честь Св. Благовѣрнаго Князя Бориса, на мѣсто существовавшей часовни, и при немъ богадѣльню для стариковъ и пристанище для странниковъ, въ множествѣ переходящихъ чрезъ Переяславъ, по пути въ Кіевъ. Въ 1835 году Архипастыръ совершилъ въ первый разъ крестный ходъ на Алту. Бывши потомъ въ домѣ помѣщика Кондратьева, которому принадлежала алтская площадь, Преосвященный тогда же просилъ его уступить подъ богадѣльню и церковь землю обнесенную валомъ; за тѣмъ ознакомившись съ Епархією, Архипастыръ въ 1837 году обратился къ паствѣ съ словомъ о пожертвованіи на Борисовскій храмъ, и съ тѣмъ же словомъ отнесся къ другимъ значительнымъ лицамъ, которые были или уроженцы Полтавской Губерніи, или служили въ ней. Какъ паства, такъ и всѣ тѣ, къ кому обращался Преосвященный, отозвались полнымъ сочувствіемъ и пожертвованіями на построеніе Борисовскаго храма; помѣщикъ же Кондратьевъ уступилъ десятину Алтской площади подъ погостъ и церковь *. 2 Мая 1839 года Владыка имѣлъ утѣшеніе заложить, а въ слѣдующемъ 1840 году — въ день храмоваго праздника то есть 24 Юля — и освятить Борисовскій храмъ. Въ 1841 году на правой сторонѣ устроенъ придѣлъ во имя Свя-

* Впрочемъ площадь, обнесенная стариннымъ валомъ, еще не вся принадлежитъ Борисовской церкви: на ней и теперь есть стороннія постройки.

таго Глѣба. Такимъ образомъ въ Альтскомъ Борисовскомъ храмѣ соединились всѣ три праздника Св. Стратотерпамъ (2 Мая, 24 Юля и 5 Сентября) *.

Народъ нашъ глубоко чтитъ святыхъ мучениковъ Бориса и Глѣба, какъ ходатаевъ и заступниковъ предъ Богомъ земли Русской. 2-е Мая считается большимъ праздникомъ. Народное присловіе говоритъ *на Глѣба и Бориса, за хлѣбъ неберися*, то-есть неработай въ полѣ. Ко 2-му Мая, за день, и за два, изъ Переясловскаго уѣзда и къ нему ближайшихъ,—Золотоношскаго, Пирятинскаго и изъ другихъ, въ огромномъ количествѣ собирается народъ въ г. Переясловъ помолиться прежде всего у нетлѣнныхъ мощей Преподобно-мученика Макарія, почивающихъ въ бывшей Соборной церкви. Отсюда густыми толпами отправляется къ Борисовскому храму, гдѣ служитъ молебны. 2 Мая въ Переясловскомъ храмѣ совершается литургія. Пока архіерейская кафедра находилась въ Переяславѣ, Полтавскіе архипастыри всегда лично совершали литургіи и участвовали въ этомъ торжествѣ. Въ крестномъ ходѣ кромѣ городского духовенства принимаетъ участіе и приѣзжающее на этотъ праздникъ духовенство изъ окрестныхъ селеній и изъ другихъ уѣздовъ. Церковная процессія бываетъ величественна и благолѣпна. Для освященія воды на рѣкѣ Альтѣ устроится мостъ; когда духовенство взойдетъ на рѣку, многіе изъ народа, особенно недужные, преимущественно же страдающіе лихорадкою, входятъ въ рѣку, какъ бы ни была еще свѣ-

* Древній каменный крестъ остался въ церкви на лѣвой сторонѣ.

жа погода и холодна вода, и при погруженіи креста, и пѣніи: *Спаси Господи люди Твоя*, каждый съ призываніемъ святыхъ мучениковъ Бориса и Глѣба погружается въ воду. Молитва вѣры и благодать святыхъ мучениковъ подаетъ болящимъ исцѣленіе.

Пр. К—вз.

24 Апрѣля.
1863 г.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Обсужденіе вопроса объ обезпеченіи быта духовенства въ Полтавѣ. Вопросы Высочайше учрежденнаго Присутствія, касающіяся средствъ обезпеченія духовенства, получены и у насъ и отданы на разсмотрѣніе и обсужденіе всего духовенства Полтавской Епархіи. Его Преосвященство Преосвященнѣйшій Іоаннъ, Епископъ Полтавскій и Переяславскій, резолюціею своею отъ 23 Марта, между прочимъ, опредѣлилъ: немедленно разослать по всѣмъ церквамъ Полтавской Епархіи извлеченіе изъ программы вопросовъ для истребованія отъ причтовъ необходимыхъ, по этимъ вопросамъ, свѣдѣній, которыя должны быть изложены со всевозможною полнотою и отчетливою вѣрностію и представлены въ Консисторію не позже пятаго Мая сего года. Консисторія, по надлежащемъ и разсмотрѣніи всѣхъ представленныхъ свѣдѣній, имѣетъ безотлагательно составить общіе выводы по каждому вопросу и затѣмъ сдѣлаетъ соображеніе и заключеніе о томъ, что должно и можно будетъ предпринять къ улучшенію быта Полтавскаго Духовенства. Для благовременнаго и успѣшнѣйшаго окончанія этаго дѣла, въ со-

дѣйствіе наличнымъ Членамъ Консисторіи, назначены еще временные—Протоіереи: Павелъ Катрановъ и Николай Думитрашко. Разъясненіе вопросовъ по II и III отдѣламъ программы предоставлено Присутствіемъ лично Его Преосвященству; но для того чтобы и здѣсь основываться не на однихъ личныхъ своихъ воззрѣніяхъ и соображеніяхъ, Преосвященнѣйшій поручилъ Каѳедральному Протоіерею Павловскому и Протоіереямъ Катранову и Думитрашкѣ вмѣстѣ съ Секретаремъ Консисторіи представить свои соображенія по всѣмъ вопросамъ, изложеннымъ въ упомянутыхъ отдѣламъ Программы съ приложеніемъ и другихъ предположеній, которыя, по мѣстнымъ условіямъ и личной ихъ опытности, они нашли бы нужнымъ сообщить Его Преосвященству для доклада Высочайше учрежденному Присутствію. Съ 16 Апрѣля Консисторія уже приступила къ обсужденію порученнаго ей дѣла и, для того чтобы заняться имъ какъ можно внимательнѣе и не развлекаться другими текущими дѣлами, назначила особыя вечернія засѣданія по Вторникамъ, Пятницамъ и Воскресеньямъ.

— *Проектъ преобразованія Духовныхъ Семинарій* также полученъ въ Полтавѣ и, по распоряженію Его Преосвященства, отданъ на разсмотрѣніе и обсужденіе Начальства Семинаріи вмѣстѣ со всѣми наставниками ея. Обсужденіе это началось съ 18 Апрѣля. Къ обсужденію приглашены также О.О. Ректоръ и Инспекторъ здѣшняго Духовнаго Училища.

СОДЕРЖАНІЕ: I. Нравственное воспитаніе молодаго поколѣнія. II. Первые дни жизни моей въ Христіанствѣ. III. О Грѣсахъ просящихъ милостыню. IV. Крестный ходъ въ г. Переяславѣ. V. Разныя извѣстія и замѣтки.

Редакторъ, *Прот. Н. Думитрашко*.

Печатать позвол. 1863 г. Апрѣля 28 дн. Цензоръ, *Прот. Катрановъ*.

Полтава. Въ типогр. Н. Пигуренко.